

**ВЯЧЕСЛАВ
БОЯРСКИЙ**

**ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ**

МАЛАЯ ВОЙНА

**ДИВЕРСАНТЫ
ЗАПАДНОГО
ФРОНТА**

*Нас отправляют без всяких документов, с одной
препроводительной, все, говорят, на месте получите.
Знаю эти дела.*

Полковник Спрогис

Искусство разведки

Вячеслав Боярский

**Малая война. Диверсанты
Западного фронта**

«Алисторус»

2025

УДК 355.425.4
ББК 63.3(2)622

Боярский В. И.

Малая война. Диверсанты Западного фронта / В. И. Боярский —
«Алисторус», 2025 — (Искусство разведки)

ISBN 978-5-00222-898-0

Воинская часть 9903 – уникальная диверсионно-разведывательная группа ГРУ, действовавшая на Западном фронте. В этой книге на ее примере рассказывается, как разворачивалась партизанская борьба в немецком тылу в годы Великой Отечественной войны. По-научному точно и объективно она показывает, как решались проблемы «малой войны» без предварительной подготовки, вживую, в ходе боев, как много значит в этом деле профессионализм и какую цену порой приходилось платить за его отсутствие. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 355.425.4

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-00222-898-0

© Боярский В. И., 2025

© Алисторус, 2025

Содержание

От автора	6
«Эту спецработу я знаю...»	8
Диверсантами не рождаются	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вячеслав Иванович Боярский

Малая война. Диверсанты

Западного фронта

© Боярский В.И., 2025

© ООО «Издательство Родина», 2025

От автора

Подвиг закономерен. По сути, он – итог всей предыдущей жизни конкретного человека. А вот награда случайна и субъективна. Многим участникам войны известны люди, блестяще проявившие себя на поле брани. Но ордена и медали их обошли. Для них навсегда остается наградой лишь благодарная память потомков. К сожалению, не всех мы знаем и можем назвать по именам.

К пятидесятилетию Великой Победы стали создавать Книги памяти, старались назвать всех погибших поименно. Но вот кампания завершилась, а списки оказались неполными. Неужели имена сотен тысяч без вести пропавших мы так никогда и не назовем? Разве это справедливо?

Эта документальная повесть посвящается уже известным и тем безвестным героям, которые ушли на задание и не вернулись. Тем, от кого осталась в архиве А. К. Спрогиса, командира войсковой части 9903, лишь строчка в школьной тетрадке в косую линейку (таких сейчас и не выпускают), где галочкой помечено, кому перед выходом на задание были выданы сапоги или теплое белье...

В советское время автор написал об этом документальную повесть. Она готовилась к изданию в Риге. Набор рассыпали без объяснения причин.

Еще жив был Артур Карлович Спрогис. Мы встречались, беседовали. В личном архиве Спрогиса сохранились многие интересные документы, карты, списки личного состава войсковой части 9903, отчеты о проделанной за линией фронта работе. Записки, рапорты, накладные, чертежи самодельных взрывных устройств, учетные тетради. Все в полном беспорядке. Но когда он получал письма от бывших подчиненных, бойцов войсковой части 9903, с просьбой подтвердить, что в такое-то время имярек находился в диверсионно-разведывательной школе, выходил на задания во вражеский тыл, Артур Карлович доставал свои папки, листал бумаги и садился писать ответ.

Данные о разведчиках и диверсантах войсковой части 9903 скупы, обрывочны, и до сего дня доступ к архивам части ограничен. Переменный состав курсантов диверсионной школы менялся быстро. Личные документы перед выходом на задание сдавали. С собой ничего брать было нельзя. Сотни людей из-за линии фронта возвращались спустя очень продолжительное время. Их подолгу проверяли в особых отделах. Если человек попадал в госпиталь, после излечения его могли отправить в действующую часть. Непригодных для дальнейшей службы отправляли напрямик в тыл.

Мало кто представляет, что значит перейти линию фронта во время боевых действий. И неважно, идешь ты с нашей стороны в немецкий тыл или возвращаешься с немецкой стороны к своим. Каждый шаг сопряжен со смертельной опасностью.

Из 2862 человек личного состава войсковой части 9903 (данные общей численности на 14 августа 1942 года) – погиб 951. В их числе: замучены в гестапо – 12; повешены, расстреляны, сожжены заживо – 18; погибли при десантировании или переходе линии фронта – 12; погибли при минировании шоссейных и железных дорог – 7. Остальные погибли в ходе различных боевых столкновений. 348 солдат и офицеров части пропали без вести¹.

Герои – образец для подражания. Не случайно уже во время войны и сразу после нее о бойцах и командирах диверсионно-разведывательных групп партизанской части 9903 появилось множество газетно-журнальных публикаций и книг. В тридцать сборников включены воспоминания ветеранов части. Они же выступили авторами семнадцати книг. Еще тридцать три

---

¹ Данные совета ветеранов войсковой части 9903. См.: *Дмитриев Д. М.* Военные партизаны. М., 2006. С. 17.

книги выпустили в свет журналисты и писатели. А вот обобщенного материала об этой, ставшей легендарной, воинской части так и не появилось.

Особое место в этом ряду занимает книга «Военные партизаны» (Летопись партизанских действий части особого назначения 9903. Издана в 2006 году), автором которой являлся бывший председатель Совета ветеранов войсковой части 9903 Д. М. Дмитриев. В ней представлен обобщенный материал, собранный более чем за тридцать лет ветеранами и энтузиастами группы «Поиск». Отдельные фрагменты рукописи приведены в данной книге. Это также касается и воспоминаний самого Д. М. Дмитриева о действиях военных партизан в Белоруссии, участником которых он был².

Более двадцати лет автор собирал материал об этой части, встречался с ветеранами, обращался к архивным источникам. Опубликовал несколько историко-документальных очерков. Вроде бы всего этого и достаточно, чтобы попытаться изложить все собранное. Но и спустя восемьдесят лет после войны еще осталось в истории части достаточно много белых пятен. Поэтому автор и определил для себя жанр этой книги как историко-документальное исследование, в котором последнее слово, увы, еще не сказано.

У времени свои законы. Все меньше и меньше остается в живых свидетелей – участников событий. Но самое несправедливое: не названы сотни и тысячи имен защитников Отечества, а многие просто забыты. Утешаю себя слабой надеждой, что как только будут произнесены и станут известны ранее не звучавшие фамилии, появятся и новые сведения.

---

² Богатый фактический материал о войсковой части 9903 собран группой «Поиск» московской средней школы № 1272 – несколькими поколениями учащихся более чем за тридцать лет. Здесь же, при школе, работал совет ветеранов части. Председатель совета ветеранов – кандидат исторических наук Д. М. Дмитриев – на основе собранных материалов создал историю части. В дни празднования 65-й годовщины Московской битвы рукопись Д. М. Дмитриева издана отдельной книгой. См.: *Дмитриев Д. М. Военные партизаны. Летопись партизанских действий части особого назначения 9903. М.: Патриот, 2006.*

«Эту спецработу я знаю...»

Из дневника А. К. Спрогиса³.

«1941 г. Воскресенье, 22 июня

Война. Нахожусь в лагерях Академии под Москвой. Был митинг. К вечеру несколько слушателей вызвали, они уехали. По всей вероятности, на фронт. Настроение у меня какое-то странное: будем воевать – значит, все пойдет кутерьмой. Надоели все эти строго-подтянутые порядки Академии, но, с другой стороны, когда начинаю думать: сколько жизней будет загублено, сколько народных материальных ценностей, созданных, собранных по рублю, по копейке, пойдет в воздух, – становится больно.

Очень хочется знать, кто на кого напал? (Спрогис, как и все, знает, кто напал. Сказали. Но одно дело – сказали. А другое: как же на самом деле? Для него это пока вопрос открытый. – *Прим. авт.*) Если мы, то будет более выгодное положение, значит, все у нас подготовлено, можно тогда рассчитывать, что сразу будет успех. Если немец, то черт знает, как дела вначале подвинутся. Если так, то он мог напасть, только уверенный в несомненном превосходстве своем, и, видно, у него здорово все подготовлено. Мне кажется, что напали мы, хотя газеты стараются доказать, что агрессор – немец. Ну и правильно делают. Английская проститутка обещает нас поддержать. Неплохо и вполне логично: если немец победит нас, то уж с Англией потом разделается. Но особенно англичанам не верю, будут помогать понемногу, но только так, чтобы мы и немец истощались. Если у нас будет успех, то как бы англичане не изменили ориентацию.

Что победим, не сомневаюсь, но, возможно, дорого это будет стоить.

25 июня 1941 года

...Образован Западный фронт. Командующим Западного фронта назначен генерал армии Д. Г. Павлов. Член Военного совета корпусной комиссар А. Ф. Фоминых, начальник штаба В. Е. Климовских... Старые мои знакомые.

26 июня 1941 г.

В течение нескольких дней слушателей все время вызывали группами и отправляли в Управление. Уже два дня с преподавательницей по языку Дубининой занимаюсь один. Все товарищи по группе уехали, но меня почему-то не вызывают. Есть еще несколько человек вроде меня, не вызванных. Они волнуются, я спокоен, знаю – моя очередь подойдет. Война нештучная. Вопрос решается или в Европе, а то и на всем земном шарике. Советская власть или фашизм. У советского строя очень много шансов, но и фашизм на что-то рассчитывает. По правде сказать, для меня не совсем ясно, на что рассчитывает фашизм. Национальный вопрос у него решен отвратительно, опирается только на то, что многие не хотят расставаться с частной собственностью...

Интересно, какую агитацию фашизм может применить, что обещает в случае успеха близким и не очень близким ему слоям населения? Прямо не знаю... Ну, если он опирается на террор, то это, возможно, только до того момента, пока имеется успех.

---

³ Архив автора.

Сегодня вызвали, наконец, меня. Был в Управлении. Получил предписание выехать в составе группы полковника Свирина в Минск.

О порядках в Управлении впечатление неважное. Бестолковщина. Из лагеря спешил, точно скипидаром подмазанный, а в Управлении около трех часов без толку по коридорам шлялся. То же самое и другие товарищи.

Говорил с начальником отдела по нашей работе Патрахальцевым⁴. Оставил неважное впечатление, все спихивает с себя, говорит – на фронте получите. Не знаю, какой он в работе. Мне кажется, что там ничего не будет.

Встретил Альфреда. Так его звали в Испании⁵. Теперь он Щелоков. Он как-то стал более активен, более поворотлив, чем был в Испании. Там у него этих качеств было недостаточно. Кажется, можно рассчитывать, что будет лучше работать, чем этот Патрахальцев. Но кто знает, возможно, что мое мнение о Патрахальцеве неверное, это только первое впечатление. Хотелось, чтобы оно было бы все-таки другим, он ведь будет в центре руководить этим делом, и от его руководства очень много зависит, во всяком случае постановка всей работы.

Но бестолковщина в Управлении необычайная, начальник АХО, полковник... забыл фамилию... Не хотят выдавать людям личное оружие. Безобразие. Нужно же хоть какие-то формальности соблюдать. Мне оружие не требуется, я уже два дня назад получил свои револьверы со склада, имею даже два.

Нас отправляют без всяких документов, с одной препроводительной, все, говорят, на месте получите. Знаю эти дела. Зашел к начальнику отдела кадров к полковнику Кондрат... (фамилия неразборчиво. – *Прим. авт.*) объясниться. Сказал ему, что эти дела мне известны. Если этот вопрос не выяснят, в качестве кого я и другие, кто вместе со мной, еду и что там должны делать, то я пойду сейчас к замнаркома. Подействовало. Вопрос уточнили, даже каждому маленький документ дали. (В удостоверении, выданном на имя майора Спрогиса Артура Карловича, было указано, что он является особо уполномоченным представителем Военного Совета Западного фронта. – *Прим. авт.*)

Сегодня нет поезда. Поедем завтра.

Москва. 27 июня

Позвонил по телефону Самаре (товарищ А. К. Спрогиса. – *Прим. авт.*) на завод. Вот парень, прискочил на пару минут, попрощаться. Славный парень. Сообщил нерадостные вещи: Минск разбомбили. Наша авиация слаба. Отступаем... Нет оснований ему не верить, он не паникер, но верить не хочется. Ладно, я ведь должен сегодня уехать и завтра буду в Минске. Только Самара уехал, приехали из Управления, сообщили, что через 20 минут летит самолет, на котором я должен отправиться.

У меня все готово. Мчимся по городу с предельной скоростью, игнорируя правила уличного движения. Шоферу такая бешеная гонка нравится, я молчу. Если опоздаю на самолет, будет больше неприятностей, чем если свернем себе шею в этой гонке. На аэродром приехали через 15 минут, а там ждал два часа. Так у нас часто бывает. Перед вылетом выяснилось, что направление переменялось, едем не в Минск, а в Могилев, где, говорят, находится уже штаб фронта.

В Могилев прибыл через три часа, но от Могилевского аэродрома до штаба фронта, который находился в 15 км, пока организовали машины и т.д., понадобилось четыре часа. Получа-

---

⁴ Патрахальцев Н. К. – до войны заместитель начальника разведывательно-диверсионной службы – специального отделения «А» и 5-го РУ Генштаба Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны занимался подготовкой разведчиков для работы в тылу врага. (См.: *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ: дела и люди. М., 2003.)

⁵ Альфред – псевдоним С. А. Ваупшасова в Испании. Один из организаторов и руководителей партизанского движения в Белоруссии. Полковник. Герой Советского Союза (1944).

ется неважно. Москва – Могилев – 3 часа, Могилевский аэропорт – штаб фронта (расстояние 15–17 км) – 4 часа.

Прибыли мы группой 7 человек. Возглавляет группу полковник Свирин⁶, я, капитан Азаров, старший лейтенант Коваленко, Мегера, Банов, Матусевич⁷.

С наступлением сумерек прибыли в лес, где расположился штаб фронта. Нашли разведотдел и там приютились. Интересуемся обстановкой. Оказывается, дела неважные. Как разведотделу, так и оперативному отделу обстановка неясна. Связь со всеми армиями потеряна. Получают отдельные отрывочные и случайные сведения, чем отделы и живут. Минск немецкой авиацией разрушен, говорят, дотла. Наверно, это не так. Всегда преувеличивают. Но все же бомбили, похоже, сильно. Наши, видимо, Минск бросили, но и противник его еще не занял.

Впечатление такое, что воюем плохо. Наши часто отступают, если не сказать – бегут. Нет связи, а также и управления.

Разведотдел полковника Блохина⁸ расположился как-то убого. Он составляет какие-то сводки из каких-то разрозненных сведений. Впечатление очень неважное. Все что-то делают, но в то же время настоящей работы не видно.

Весь состав разведотдела полуголодный. Никто не ужинал и как будто ужинать не будем – нечего. Вся наша группа только завтракала, и то на скорую руку, обедать не пришлось, но и ужинать не придется. Я молчу, молчат и мои спутники. Можно, конечно, день или даже два не покушать, но как-то странно, что уже на 3–4 день войны в штабе фронта такая растерянность и неорганизованность. Не могут организовать более-менее нормальное питание.

29 июня

Могилев. Штаб Западного фронта, опушка леса. Полковник Свирин назначает меня своим заместителем. Мы являемся отдельной группой от Генштаба РККА при штабе фронта. Обязанности заместителя меня не радуют и не печалят. По этой спецработе я знаю больше Свирина, но на его место не претендую. Мне хочется поработать непосредственно на фронте самостоятельно, а эти возможности сейчас у меня будут, а ему как возглавляющему группу придется иметь дело с учреждениями штаба фронта. От этой работы меня тошнит. Не очень приятное дело. Весь остальной состав с нашей работой совершенно незнаком, и люди чувствуют себя очень неуверенно. Никто с ними не беседовал, не инструктировал.

Полковник Свирин собрал группу и в течение 10 минут поставил задачи. Видно, работник он неплохой, имеет опыт работы с нашим Управлением и как человек симпатичный, только на этой работе, похоже, никогда не трудился. Но это неважно, обстановка подскажет, а вот за отдельных ребят я беспокоюсь. Как бы не захромали на обе ноги...

Был совместно со Свириным у начальника штаба фронта генерал-майора Климовских: принял приветливо и все необходимое для работы обещал дать, только чтобы сами заготовили требование.

Но ждать приема пришлось больше 3-х часов. В штаб приехали Ворошилов и Шапошников⁹. Ворошилов эти три часа, которые я ждал, находился от меня в 15–20 шагах – за столом

---

⁶ Свирин А. Е. – встретил войну старшим преподавателем кафедры разведки Высшей разведывательной школы Генштаба Красной Армии. Впоследствии – начальник РО штаба Черноморской группы войск Закавказского фронта.

⁷ 27 июня группа прибыла в штаб Западного фронта. Эта дата считается днем рождения части 9903.

⁸ Блохин С.В. – с марта 1939 года начальник РО штаба Белорусского – Западного Особого военного округа. В период Великой Отечественной войны – преподаватель Высшей разведывательной школы.

⁹ К. Е. Ворошилов – маршал Советского Союза. До создания ГКО и Ставки ВГК – председатель комитета обороны при СНК СССР; Б. М. Шапошников – начальник Генштаба.

под деревом – и в течение всего времени выслушивал то начальника штаба, то командующего фронтом Павлова¹⁰, то говорил им что-то, энергично жестикулируя руками.

Шапошников больше изучал карту, за столом мало говорил, как видно, больше прислушивался. Павлов, проходя мимо, остановился, спросил меня, почему я здесь, потом узнал, поздоровался, но по делу говорить ему некогда было, сказал, что потом. Мужик, все-таки располагающий к себе своей простотой... (А. К. Спрогис познакомился с командующим фронтом Г. Д. Павловым в Испании, где тот командовал танковой бригадой. Не раз встречались на Хараме и в Валенсии, в кабинете у Берзина¹¹ в Мадриде. – *Прим. авт.*)

30 июня

Застряли в штабных канцелярских дебрях. Никак не получить необходимое оружие и снаряжение для работы. Чтобы получить легковые машины, пришлось ехать самому больше 300 км в тыл. Встретил генерал-майора Клича. Узнал меня, по-приятельски поговорили. Он начальник артиллерии Западного фронта. Распорядился снабдить меня всем необходимым оружием. Но оказалось, что одного его приказа мало. Нужным оружием штаб фронта не располагает. Получил только часть необходимого оружия. Со снаряжением и продовольствием вопрос обстоит лучше. Получил все, что нужно. На складах продовольствие имеется, а питание работников штаба организовано отвратительно. Чтобы позавтракать, нужно идти около 3-х км на другую сторону леса, там становится в очередь... В очередях стоят лейтенанты, капитаны, майоры, довольно много полковников. Изредка, смотришь, появляются и одинокие генералы, но редко. Видно, генералов снабжают все-таки более-менее нормально. Но по отношению к основной массе работников штаба фронта питание поставлено отвратительно.

На завтрак потерял два часа, но на обед получилось хуже. Когда пришли во время обеда на место расположения кухни, то оказалось, что одну кухню (вернее, две) раздали, сейчас должна прийти другая, стали ждать. Народа собралось много. А кухни все нет. Народ ждет, ведь на самом деле: раз не позавтракали, второй раз не пообедали – это можно раз, другой, но если это уже 3–4 дня подряд, то уже хочешь не хочешь, а ждать будешь. Прилег под кустом и уснул. Разбудили через полтора часа, оказалось, что кухня пришла, но только первое – гороховый суп, второго нет, причины неизвестны. Ну, и то хорошо, а то уже двое суток горячей пищи не было.

Не хватает посуды, пока я кушал, в очередь за моей тарелкой встал один капитан. Утром с чаем то же самое, кружек не было, пили из тарелок и консервных банок.

В другом отношении войны почти здесь не чувствуется, за эти дни бомбили всего пару раз, да и то не близко.

Вчера собрал все необходимое имущество и сегодня в 3 часа утра выехал в штаб 13-й армии. Он должен быть в Тетерине. Поехал через Могилев, где ночуют подобранные Свириным через ЦК Белоруссии четыре члена партии для нашей работы. Двух нашел, поговорил и от них отказался, не подойдут... а двое куда-то исчезли, ушли.

---

¹⁰ К концу июня 1941 года, когда противник продвинулся в глубь нашей территории до 400 километров, войска Западного фронта понесли тяжелые потери в людях, технике и оружии. В свете трагических событий в Белоруссии, в Ставке Главного Командования стали искать «виновных». Павлов был отстранен от командования фронтом, отозван в Москву и отдан под суд военного трибунала, который приговорил командующего к расстрелу. Аналогичная участь постигла начальника штаба фронта Климовских и других генералов. Все они спустя много лет, после тщательного и скрупулезного расследования, проведенного работниками Генерального штаба, были реабилитированы «за отсутствием состава преступления». (См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. Книга первая: Суровые испытания. М., 1995. С. 111.)

¹¹ Берзин Ян Карлович (Берзиньш Кюзис Петерис). С 1917 года в аппарате НКВД СССР. Пришел в военную разведку в декабре 1920 года. В 1936–1937 годах – главный военный советник в республиканской армии Испании. Репрессирован 27.11.1937. Реабилитирован 28.07.1956.

Идет дождь, грязь. Еду в штаб 13-й армии в Тетерин. Я на легковой, сзади идет грузовая. Несколько раз застреваем в грязи, но общими усилиями вылезли. Со мной помощник старший лейтенант Коваленко и еще 3 человека специалиста и старший лейтенант (бывший слушатель академии, направляется для работы в отделе разведки в штабе 13-й армии). Я его просто подвожу по пути. И куда только штаб армии залез в такую грязь, к нему ни подойти, ни подъехать.

Штаб армии расположился на опушке леса. Зашел в оперативный отдел и разведотдел. Полная неразбериха и бестолковщина. Обстановку знают плохо, где корпуса и дивизии, совершенно не знают, связи нет совершенно. Что-то невероятное, разве так можно воевать?! Полнейшая растерянность. Говорили, что штаб армии, т.е. они, были в окружении и с трудом вырвались. Нет начальника разведотдела армии. Его не то убили, не то потерялся, когда выходили из окружения. Кажется, вернее последнее. Говорил с командующим армии генералом (забыл фамилию). Спрашивает обстановку, так как не знает ни соседей, ни расстановку своих войск.

Здесь мне делать нечего, и через полчаса уехал по направлению фронта. Выбрался около Толочина на шоссе Москва – Минск и поехал в направлении Борисова. По дороге говорили, что Борисов еще наш, но км в 12 от него на дороге встретил корпусного командира. Оказывается, он командует корпусом, который «оседлал» шоссе. Говорит, что хорошо дерутся наши курсантские части. Борисов уже сдали, но главное – не успели взорвать железнодорожный мост, хотя подготовлено для этого было все.

Жаловался, что ему придали танковую дивизию, но она действует по своему усмотрению и ему не подчиняется. Кроме того, для прибывшей Московской Пролетарской дивизии план действия был разработан еще в тылу, и она, прибыв, начала сразу действовать по этому плану, не согласуясь с обстановкой. Какая-то дикость получается, говорит корпусной командир, который удерживает фронт на этом участке. Похоже, что-то не ладится в Управлении.

Вернулся в Толочино. Там заградотряд. С командиром договорился о питании на некоторое время моих людей. За это время я уже успел подобрать группу в 14 человек.

3 июля 1941 г

Толочино (шоссе Москва – Минск). Группа уже готова. Сегодня хочу перебросить. Я выехал на легковой машине вперед, а мой помощник старший лейтенант Коваленко с людьми на грузовой машине за мной. День стоящий, чтобы в своей жизни я его отметил. Дело в следящем. Подъехал к передней линии, до последних цепей осталось километра полтора. Хотел найти командира полка или начальника штаба этого участка, чтобы договориться на месте, где у немцев реже войска, чтобы с наступлением темноты перейти фронт.

Я свернул у шоссе с дороги у дер... (Так в тексте. – *Прим. авт.*) В это время произошел воздушный бой над нами. Группа истребителей в течение 2–3 минут сбита 9 бомбардировщиков. Обстановка неясная. По знакам на крыльях трудно определить, чьи бомбардировщики: немецкие или наши. Три сбитых бомбардировщика упали от нас в 3–4 км в поле. Когда они падали, из них выпрыгнули четыре парашютиста. Решил, что если немцы, то нужно их захватить и не дать уйти в лес, который находился в стороне фронта в 1,5–2 км. Из наших войск никого здесь не было, но в машине у меня легкий пулемет и, кроме шофера, еще один красноармеец, так что достаточно. Дороги нет, ехал по вспаханному полю, целине, на что ушло минут 10–15. Пока подъехал к первому ближайшему сбитому самолету, парашютисты успели уже куда-то уйти. Подбежал к самолету, а на земле горят отдельные куски. Установил, самолеты наши. Очень обидно. Сразу не стало наших 9 самолетов, а их вообще так мало здесь на фронте. Летчиков искать не стал, они скрылись. Наверно, потому, что не были уверены, что на своей стороне.

К горящей машине следующего за мной красноармейца (Винницкий) с пулеметом и шофера (Кабалкин Владимир) не допустил, повернул их обратно под предлогом, что у машины взрываются патроны. Сказал, что немецкий самолет, соврал. Пусть хоть они не знают.

Пошли обратно к машине, которая находилась метрах в 250–300. Не успел дойти до машины, как вдруг над головой начали визжать пули. Со стороны шоссе, с высоты по нам открыли огонь два пулемета. Удивительно, что такое? Лег за первым попавшимся бугром и переполз в небольшую канавку. Шофер Кабалкин и красноармеец Винницкий сделали то же самое. Стрельба прекратилась, но только встал из канавы, как заработали опять пулеметы (оба), и пули прямо стали ложиться справа и слева. Положение серьезное. Это не случайный обстрел. Хорошо, что расстояние большое от нас до пулеметов, метров 1000 с лишним. Начинаю разбираться. Стреляют с высоты, которая около шоссе. На шоссе видны несколько бронемашин. А на высоте два танка. Подползаю к машине, где находится мой бинокль. С биноклем начинаю изучать обстановку. Да, танки не наши, бронемшины тоже. Стреляют по нам из пулеметов танки.

Наконец, разобрался. Немец сделал прорыв по шоссе со своими бронечастями. Там, на высоте, где 20 минут назад были наши части, сейчас немец. В этот момент услышал взрыв. Взорвался мост на шоссе, через который я минут 25 назад проезжал. Наши отступили, а я под носом у немца. Надо, пока не поздно, убираться. Приказал шоферу подползти и забраться в машину с той стороны, с которой немцу не видно. Сам сделал то же самое с красноармейцем. Немцы, похоже, не заметили, что мы в машине. Потому что машина находилась немного в низменности. Шоферу велел дать полный газ. Нужно было уйти от пулеметного обстрела. Кроме того, с минуты на минуту можно было ожидать, что немцы начнут со своими танками двигаться, а местность совершенно открытая, деваться некуда. С пулеметом против танка не поперешь.

Шофер дал газ, машина сразу рванулась вперед, вниз в ложину. Но доехать не удалось. Первый снаряд, выпущенный немцами, пробил оба стекла машины, но даже не взорвался, следующие два ударили впереди машины, но потом еще один ударил по мотору. Не успела машина остановиться, как еще один снаряд прошел около ног шофера. Стреляли оба танка и довольно точно, но это благодаря тому, что стояли на месте, да и расстояние небольшое.

Высочив из машины, залег в небольшой канаве. Стрельба прекратилась. Приказал Кабалкину проверить машину. Если танки начнут двигаться, тогда стрельба не будет такой точной, и мы сумеем уехать. Шофер доложил, что разбит мотор и коробка скоростей. Досадно. Проверил сам. Верно. Забираем из машины все вооружение. Принимаю решение быстро уходить отсюда. Только начали отход, как застрочили опять оба пулемета. Но если пушки стреляли хорошо (3–4 выстрела разбили машину), то пулеметная стрельба у немца отвратительная. Нас три человека бежали (перебежками) по открытому полю около 300–400 метров. Стреляли два пулемета, пули здорово свистели вокруг нас, но все же я добежал до ржи и залег. Смотрю, Кабалкин и Винницкий находятся от посевов ржи метрах в 100–120, лежат и не поднимаются. Кричу – в чем дело? Оказывается, что ввиду того, что пули ложатся около них, они боятся подняться. Приказываю по одному делать перебежки. Исполняют. Оба благополучно добираются до меня. Как только добежали до ржи, пулеметы перестали стрелять, так как нас больше не видно.

Оцениваю местность. По ржи можно будет пройти метров 500–600 до луга, потом метров 400–500 опять открытое место, а там дальше мокрый луг с кустарником. Если туда доберемся, то все в порядке.

Вдоль шоссе идет сильная артиллерийская стрельба. Видно, как наши отходят. Мы находимся как раз посередине. Вдруг появляются три немецких самолета. Один из них начинает кружиться над нами и начинает обстреливать. После первого налета, пока он сделал разворот, я спешно маскируюсь во ржи, но, видно, недостаточно. Самолет заходит еще раз и с высоты

200–300 метров опять стреляет. Высота очень низкая. Я схватил легкий пулемет и дал очередь по самолету, но безрезультатно. При третьем заходе мы уже успели нарвать ржи и накрыть себя. Так замаскировались, что он нас потерял. Стрелять по нему не стал, так как у пулемета был только один диск с патронами, второй Винницкий потерял во время перебежки.

Пока маскировались от самолета, про танки забыли, а теперь услышали их гул. Приподнялся из ржи и вижу, что в нашу сторону двигаются три тяжелых немецких танка, а за ними, подпрыгивая по неровному полю, десятка четыре мотоциклистов. Обстановка тяжелая.

Быстро перебежали на середину ржаного поля, на наше счастье, оно довольно большое – 1000 на 500 метров. Закопал свой бумажник с документами, чтобы, если убьют, не попал к немцам, замаскировал, пусть сгниет. Руками быстро начал делать маленький окопчик для себя. Нас уничтожить во ржи немцу будет очень трудно. Кто только сунется в рожь, я с первого выстрела уложу. Только вот танки...

Пока мы готовились к круговой обороне, подошли танки, но в рожь не пошли, предпочли двигаться рядом. Стало как-то легче. С мотоциклистами я как-то надеялся разделаться.

Солнце уже начало заходить. Часа через 2 будет уже темно, и если только удастся удержаться до темноты, тогда мне не страшны не то что 40–50, а и целый их батальон. К нашему удивлению, мотоциклисты проехали мимо, никто не остановился даже. Оказалось, что мотоциклисты ушли за танками. Немцы прошли. Но теперь другое положение, мы уже в тылу у немцев. Нужно выходить поскорее. Быстро вышли из ржи, перебежали через открытый луг и в кусты. Здесь я уже почувствовал себя совершенно в безопасности. Направление решил держать вслед за мотоциклистами, только по кустам.

Через полкилометра натолкнулись на нашу разведку, человек 20 под командой капитана. Рассказал ему обстановку, и он мне в свою очередь тоже. У него задание – пойти еще глубже в тыл немцам. Но сейчас выходить из кустов нельзя, еще светло, собирался пойти в том направлении, откуда шел только что я. Попросил, чтобы он попутно сжег мою машину, она хотя разбитая, но все-таки лучше сжечь. Это я должен был сам сделать.

От разведчиков узнал, что две впереди находящиеся деревни уже заняты немцами. Но эти кусты проходят между этими деревнями, и я решил, не теряя времени, пройти здесь. Прошел. Через два часа ходьбы, мы прошли километров десять, встретил отходящие красноармейские части. Наутро вышел на шоссе, где встретил Коваленко и грузовики с людьми.

5 июля

Вчера гонялся за немецкими парашютистами в районе Толочино. Двух убили, а третий скрылся в лесу. Его остался разыскивать прибывший истребительный отряд.

При выброске парашютных десантов немцы применяют хитрость. Так, например, выбрасывают трех парашютистов, а парашютов пятнадцать без людей. Из деревни смотрят и доносят, что выбросили пятнадцать человек, а фактически только три...

Веду организаторскую работу с большим энтузиазмом. Даже продолжающееся наше отступление на мое настроение особенно не влияет. Я уверен, что немного раньше или позже остановимся, подтянемся и стукнем противника. Это мое настроение, но среди отступающих настроение очень плохое, в том числе и среди командного состава.

Командующего фронтом Павлова обвиняют в измене, но это, конечно, неправильно. Другое дело, что не умеем воевать. Сами ударяемся в панику. В общем, картина безотрадная.

10 июля

Командующим Западным направлением назначен Маршал С. К. Тимошенко...

13 июля

...Кричевским райкомом партии Могилевской области с моей помощью создан партизанский отряд № 27 под командованием директора средней школы И. С. Изохи...

14 июля

Первый залп «Катюшек» капитана И. А. Флерова...

15 июля

...Противник захватил южную часть Смоленска.

16 июля

Введено положение о комиссарах... На сегодняшнее число в Смоленской области (секретарь Д. М. Попов) организовано 19 партизанских отрядов.

...июля (число неразборчиво. – Прим. авт.)

Вчера ехал в район Бабиновичи. Получилась, как говорят, оказия. Ехать пришлось окружным путем, так как около шоссе Орша – Витебск уже противник. Приблизительно километров 8–10 от Бабиновичей проезжал по дороге мимо каких-то хуторов, находящихся от дороги метров 250–300. Вдруг мою машину кто-то обстрелял из хутора. Одна пуля пробила стекло машины, остальные 2–3 просвистели где-то близко. Со мной в машине, кроме шофера, был еще старший лейтенант Коваленко. Выскочили из машины и залегли в канаве. Начал уточнять, кто стрелял. Еще два раза выстрелили. Тогда уже точно установил, что из хутора. Увидел там двух человек, которые на мотоциклах заскочили за постройки. Дали несколько выстрелов по ним, но напрасно. Побежал на хутор совместно с Коваленко. Оказалось, что на хуторе были два немецких мотоциклиста. Прибыли на хутор минут пять назад, начали ловить кур, но в это время показалась наша машина, они произвели по нам несколько выстрелов, вскочили на мотоциклы и удрали.

Когда я вышел за хуторские постройки, которые находились на горе, чтобы посмотреть, куда уехали мотоциклисты, вдруг увидел, что в нашем направлении на расстоянии 500–600 метров движется колонна (около 30–40) немецких машин с пехотой. От такой неожиданной встречи прямо растерялся, но пока все-таки решил обстрелять ее. Выпустил выстрелов десять из своей полуавтоматической винтовки. К моему удивлению, колонна остановилась, пехота начала выскакивать из машин, а я в свою очередь побежал к своей машине и на предельной скорости начал удирать.

Выскочил на опушку леса около Бабиновичей, где находился штаб корпуса. Начальник корпуса генерал-майор. Сообщил ему, что у него немцы в тылу и на фланге. Первое решение, которое я услышал от командующего корпусом, – это найти дорогу для отхода штаба. Прождав еще 10–15 минут около генерала, я решил посоветовать ему выбросить в направлении этой колонны одну роту. К моему удивлению, он даже долго не размышлял, сразу согласился и от себя прибавил, что еще нужны роты две.

Штаб начал собираться и уходить, а я поехал к передовым частям, чтобы перебросить группу. Проехав Бабиновичи, встретил наши части, которые уже отступали. Была уже ночь.

После переброски моей группы через линию фронта, когда возвращался назад, штаба корпуса на его месте не нашел.

Кругом пусто. Еду через лес и приказываю всем держать оружие наготове. На рассвете догнал штаб корпуса, который двигался очень медленно. Машины застревали. Поинтересовался – где рота корпуса. Послали прикрывать. Оказывается, она еще там. Сделал маленький круг и убедился, что рота действительно заняла оборону, а немцы находятся на том же месте, где я вчера после обстрела их оставил. Вот какой трус немец: не зная обстановки, боится двигаться вперед и топчется на месте. Это, конечно, очень приятно. Посмотрел и поехал домой, т.е. в штаб фронта...».

Здесь записи в дневнике А. К. Спрогиса прерываются. Он вернется к ним лишь в декабре 1941 года.

Итак, после начала Великой Отечественной войны директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным и советским органам, различным структурам НКВД, ГРУ, Политуправлениям фронтов и армий было предписано активно заняться созданием диверсионно-разведывательных подразделений и партизанских формирований. В частности, в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 года в пункте 5 говорилось: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д.».

27 июля 1941 года в штабы всех фронтов была направлена шифротелеграмма за подписью начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова и его заместителя – начальника Разведывательного управления ГШ РККА генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова с категорическим требованием – «немедленно приступить к формированию и заброске на территорию, занятую противником, большого количества мелких диверсионно-разведывательных групп из преданных людей личного состава войск и гражданского населения»¹².

Выполняя эту директиву, разведотделы фронтов и армий начали работу по формированию и заброске в тыл немецко-фашистских войск разведывательно-диверсионных групп раньше указания Жукова – Голикова, но, похоже, не очень активно начали. Понадобился грозный окрик.

---

¹² См. История партизанского движения Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 2001. С. 24.

Первый командир диверсионно-разведывательного пункта разведотдела штаба Западного фронта, впоследствии в/ч 9903 А. Е. Свирин

Из дневника А. К. Спрогиса уже известно, что при штабе Западного фронта занималось этим специальное подразделение, которым командовал полковник А. Е. Свирин. В первую группу входили слушатели Военной академии им. М. В. Фрунзе майор А. К. Спрогис, капитан А. Я. Азаров, старшие лейтенанты И. Н. Банов, Ф. И. Коваленко, И. И. Матусевич и А. К. Мегера. В июле-августе прибыло пополнение: капитаны А. А. Алешин, Ф. П. Батурин, А. В. Щербинин, старшие лейтенанты С. М. Грабарь, Ф. А. Старовойтов, Д. А. Селиванов, М. А. Клейменов, ГД. Веселов, а также военврач 3-го ранга И. З. Галикеев.

Для того чтобы полнее представить происходящее, следует иметь в виду, что в данном случае речь идет об одном из подразделений военной разведки, в частности оперативной спецгруппе полковника А. Е. Свирина, которой суждено стать войсковой частью 9903. Путь этот был не прост. И вот почему.

В преддверии войны руководство Разведуправления безусловно принимало ряд мер по повышению боевой и мобилизационной готовности разведки, накапливались материально-технические средства и вооружение, отрабатывались отделами Разведуправления и штабами военных округов планы разведывательной работы на случай войны. Об этом свидетельствуют и документы.

Так, например, еще 15 января 1941 г. начальник Разведуправления Ф. И. Голиков издал приказ о составлении мобилизационного плана Разведуправления к 15 апреля 1941 г., а 24 февраля 1941 г. направил директиву всем начальникам разведотделов приграничных военных округов и отдельных армий о приведении их и оперативных пунктов в мобилизационную готовность к 10 мая 1941 г. С 23 января по 22 февраля 1941 г. Разведуправление провело сборы начальников разведотделов штабов военных округов и армий с целью отработки организации деятельности при переходе с мирного на военное время¹³.

В мае 1941 г. начальник Генерального штаба Г. К. Жуков по предложению Разведуправления утвердил план мероприятий по созданию в приграничных округах запасов оружия, боеприпасов и военного имущества иностранного образца, подрывных средств для спецдел по организации запасной агентурной сети на основных объектах или вблизи них с соответствующей системой связи на нашей территории глубиной 100–115 км от границы...

Эти и другие запланированные мероприятия были крайне необходимы. Но разведорганы по разным причинам выполнить их в полном объеме и своевременно не смогли. Ход и характер боевых действий начального периода Великой Отечественной войны для военной разведки оказался неожиданным. Сказывалась и невысокая подготовка, и отсутствие опыта практической разведывательной работы у значительной части оперативного состава после репрессий и чисток 1937–1939 гг.

Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. была более чем своевременной. В соответствии с ее требованиями военная разведка приступила к подготовке и заброске в тыл противника разведывательно-диверсионных групп и отрядов. Тем более что все это было в русле решаемых ею задач. Если же говорить о диверсионной работе, то на момент начала войны структурной единицы в военной разведке фронтового звена, которая бы занималась диверсиями во вражеском тылу, попросту не было. Вот и получилось, что полковник А. Е. Свирин был направлен на фронт как представитель Разведуправления Генштаба КА, квалифицированный специалист (последняя должность на июнь 1941 года – старший преподаватель кафедры разведки Высшей разведывательной школы Генштаба КА) для организации разведывательной работы. Ради справедливости нельзя не сказать, что действия по нарушению управления войсками противника и срыву их снабжения путем диверсионных акций накануне войны планировались.

Характерно, например, что прибывший в группу А. Е. Свирина старший лейтенант Ф. А. Старовойтов несколько лет, начиная с 1937 года, под руководством тогдашнего заместителя начальника разведывательного отдела штаба Западного фронта полковника Я. Т. Ильницкого работал в Бресте на специальном «пункте», который вел агентурную разведку на одном из оперативных направлений на западной границе. Было подготовлено подполье, создана агентура... Но и это все оказалось утрачено.

---

¹³ См.: Павлов А. Г. Военная разведка СССР в 1941–1945 гг. // ГРУ: дела и люди. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 583–589.

А. Е. Свирин был непосредственно подчинен Разведуправлению Генштаба Красной Армии. Материально оперативная спецгруппа А. Е. Свирина обеспечивалась за счет разведотдела Западного фронта, к которому была прикомандирована. В архиве А. К. Спрогиса сохранилась фотокопия выданного ему удостоверения Генштаба от 29 декабря 1941 года, где было сказано, что он состоит в распоряжении Разведуправления Генштаба КА. В то же время выписка из личного дела свидетельствует, что в соответствии с приказом № 53 заместителя начальника Генштаба Красной Армии А. К. Спрогис является одновременно уполномоченным Военного совета Западного фронта.

Забегая вперед, следует отметить, что в сентябре 1941 года Оперативная спецгруппа преобразуется в Оперативный диверсионный пункт разведотдела штаба Западного фронта (736-я полевая почта, почтовый ящик № 14).

С этого момента командиром этого пункта становится Спрогис (вскоре у этого пункта появляется номер 9903). Спрогис непосредственно подчиняется заместителю начальника разведотдела штаба Западного фронта полковнику Я. Т. Ильницкому, который лично был ответственен за сбор всех разведданных от войсковых разведок всех родов войск Западного фронта, то есть тактической разведки, и за доклад командующему фронтом два раза в сутки. С 16 марта 1942 года Оперативный диверсионный пункт преобразуется в 6-е (диверсионное) отделение разведотдела штаба Западного фронта. Возрастает статус этого формирования. Оно получает более значительную задачу: большую по глубине проникновения во вражеский тыл и более важную для всего театра военных действий на этом направлении – оперативно-тактическую¹⁴.

В период битвы под Москвой военная разведка активно вела работу по подрыву тыла противника. Так, с начала войны по август 1941 г. разведотдел штаба Западного фронта направил в тыл противника 184 диверсионные группы. С сентября по 31 декабря 1941 года по донесению разведотдела штаба Западного фронта для работы в тылу противника была направлена 71 диверсионная группа и отряд общим количеством 1194 человека. Диверсионные группы нарушали коммуникации немцев, уничтожали их транспорт, штабы, живую силу. Но об этом по порядку.

Первоначально переменный состав подразделения в значительной мере укомплектовывался за счет красноармейцев-добровольцев из воинских частей. Спрогис данной ему властью забирал отбившихся от своих частей и выходящих из окружения красноармейцев и после индивидуальной ознакомительной беседы и кратковременной подготовки отправлял за линию фронта с различного рода заданиями.

Под давлением превосходящих сил противника наши части тогда отступали. Командованию Западного фронта в полосе его обороны как воздух нужна была информация о противнике. Разведка – глаза и уши армии – призвана была вскрыть планы и намерения немцев, их основные группировки, определить направление главных ударов, прибытие резервов, возможные сроки тех или иных операций. Для этого следовало знать районы сосредоточения войск противника, иметь данные о составе и принадлежности этих войск, составе ударных группировок, в первую очередь танковых и моторизованных, и многое другое. С этой целью и забрасывались в тыл противника разведывательно-диверсионные группы и отряды, создавались агентурные резервные группы разведчиков, партизанские формирования.

У Спрогиса на руках был документ, удостоверяющий его обширные полномочия. Он гла-

---

¹⁴ В январе 1942 г. в Государственный Комитет Обороны были доложены предложения Разведуправления Генштаба КА по улучшению работы военной разведки, основанные на опыте первых месяцев ее работы во время войны. Разведуправление было реорганизовано в Главное Разведывательное Управление (ГРУ) с соответствующими штатными структурными изменениями.

«Предъявитель сего майор тов. Спрогис Артур Карлович является особо уполномоченным представителем Военного Совета Западного фронта.

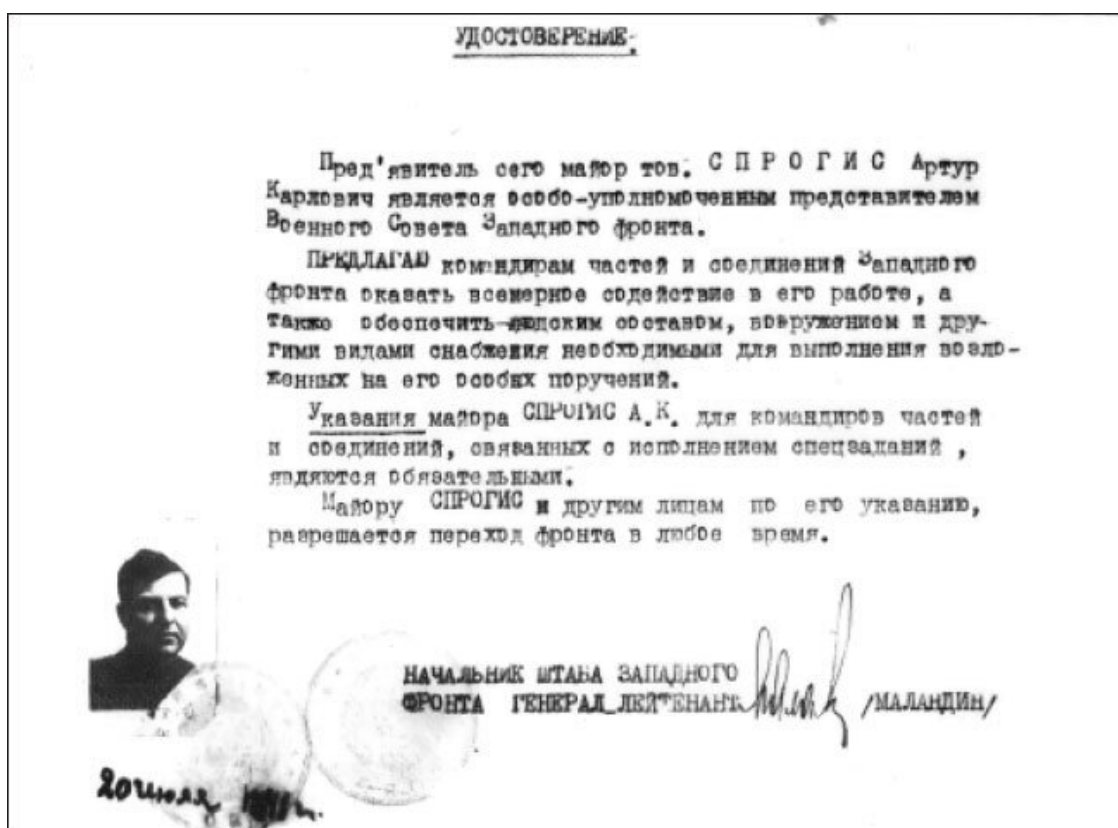
Предлагаю командирам частей и соединений Западного фронта оказать всемерное содействие в его работе, а также обеспечить людским составом, вооружением и другими видами снабжения, необходимыми для выполнения возложенных на него особых поручений.

Указания майора Спрогиса А. К. для командиров частей и соединений, связанные с исполнением спецзаданий и возложенных на него особых поручений, являются обязательными. Майору Спрогису и другим лицам по его указанию разрешается переход фронта в любое время.

Начальник штаба Западного фронта

генерал-лейтенант Г. К. Маландин

20 июля 1941 г.».

К сожалению, такие грозные документы не всегда помогали. Многие склады были разбиты авиацией противника, а воинские части сами испытывали голод по всем видам материального и технического обеспечения. Например, старший лейтенант Мегера не смог своевременно доставить индивидуальные перевязочные пакеты ни на складах, ни в окрестных медицинских учреждениях. Казалось бы, мелочь, но без пакетов нельзя было посылать людей в тыл противника.

Еще труднее было с комплектованием групп личным составом. Командиры частей, как правило, только под большим давлением отпускали своих подчиненных. И это понятно: для разведки отбирались люди наиболее грамотные в военном отношении и смекалистые. Например, из 100-й дивизии, оборонявшейся на Березине, не было выделено ни одного человека, а согласовывать этот вопрос со штабом фронта не было времени. Позднее в распоряжение Западного фронта стали прибывать соединения из глубокого тыла. Разведывательный отдел штаба

сумел за счет войск создать несколько отрядов специального назначения и направить их в тыл врага. После выполнения задания эти отряды были зачислены в состав воинской части 9903. Но об этом ниже.

Согласитесь, «исключительные полномочия» офицера в звании майора для командиров частей и соединений – полковников и генералов – как-то не вязались с нормами воинской субординации, но зато этим еще больше подчеркивалась особая важность и чрезвычайность его миссии¹⁵.

А. К. Спрогис

---

¹⁵ Нужно заметить, что подобные документы были и у других офицеров, занимавшихся такого рода деятельностью.

Кто же он такой, Артур Спрогис, с выдержками из дневника и полномочиями которого вы познакомились? Уже первые записи заставляют остановиться и задуматься. Тут все необычно. Например, широта мышления и раскрепощенность автора. Он вполне допускает, что мы могли сами начать эту войну, и тогда, мол, все будет в порядке. Если не мы начали, ну что ж, будет трудно, но, как говорится, еще не вечер. При этом он не рефлексировал: ах, как это несправедливо, неправильно, как это некрасиво, что немцы на нас напали без объявления войны, внезапно напали...

Внезапность для него – вещь будничная, обыкновенная военная хитрость. Кто опередил другого, тот и молодец.

Немецкие войска вал за валом накатываются на страну, мы несем громадные потери, отступаем, а у него нет и тени сомнения в том, что враг будет разбит.

Да, началась война вероломно, внезапно для многих, но никак не для него. Этот не совсем обычный человек – хладнокровный, чрезвычайно уравновешенный – разъезжает под пулями по передовой. Он подмечает чьи-то серьезные промахи, комментирует их. На вещи смотрит достаточно прагматично. Многие военачальники, облеченные высокими полномочиями, разговаривают с ним как с равным, прислушиваются к его советам и рекомендациям. И он с ними на равных...

Что за этим стоит? Можно сказать только одно – это профессионал. Война – часть его жизни, если не вся жизнь. Он всю жизнь готовил себя к войне, он всю жизнь воевал. Он просчитывает ходы – свои и противника – и почти не ошибается. На войне он словно рыба в воде. Только этим и можно объяснить его поведение. Он в своей стихии. Есть такая профессия: воевать – Родину защищать. Вот он и защищает. Сейчас пришло его время. Он знает, что ему следует делать каждую минуту, и делает. Если вы попали в чрезвычайную ситуацию и рядом с вами оказался такой человек, вам сразу станет спокойнее. Он знает, как выходить из трудного положения... Интересно, как такими становятся? Собирая материал для книги, я старался не упустить ни одной характерной детали из рассказов А. К. Спрогиса о себе, из воспоминаний тех, кто с ним был близок. В целом могу сказать, что это был типичный представитель своего времени, своего поколения, для которого идея была – все, а материальное, личное благополучие – ничто. Тогда были востребованы лидеры особого типа, инициативные, исполнительные, порой беспощадные, ставившие государственные интересы выше личных. Спрогис был из этой когорты. Он жил заботами страны, тем, что будет построено в будущем. Впрочем, ничто человеческое ему было не чуждо...

Диверсантами не рождаются

...Латвия. 1919 год. Зимней проселочной дорогой от хутора идут двое. Впереди с поднятыми вверх руками – красными, негнушимися от мороза – рослый солдат в серо-зеленой шинели, а за ним подросток в ватнике с чужого плеча, в обмотках и старых, явно не по размеру ботинках, с тяжелой винтовкой наперевес.

– Эй, парень, слушай, – время от времени просит солдат, – разреши руки опустить, совсем замерзли.

– Нельзя, дядя. Пленные должны идти с поднятыми руками...

Это возвращался с задания пятнадцатилетний разведчик седьмого латышского стрелкового полка Артур Спрогис с первым своим «языком»¹⁶.

Как Артур Спрогис попал на фронт? А все было просто. Он жил на хуторе Дикли под Валмиерой. Сюда часто привозили хоронить павших в боях латышских стрелков. Одно время бои гремели совсем рядом, в десяти–двенадцати километрах. Тогда Артур и отправился вместе с товарищами якобы для того, чтобы разыскать своего отца, ушедшего с красногвардейцами одного из латышских полков.

Командир роты седьмого латышского стрелкового полка пристроил мальчишек на кухне: чистить картошку, мыть котлы. А вскоре Артура и его товарищей стали посылать в разведку. Ребят поставили на довольствие, выдали обмундирование. Но на задание они ходили в своей одежде. Заглядывали на хутора, присматривались, узнавали, где стоят белые, сколько их, какое у них оружие, есть ли пулеметы и пушки – и обо всем, что видели, докладывали командиру.

Однажды ротный вызвал Артура и дал ему очередное задание. Мальчик побывал на одном хуторе, на другом – нигде белых не встретил. На третьем – постучался в дом – замерз очень, хотелось погреться. Только присел с разрешения хозяйки на лавку, как скрипнула дверь, вошел белогвардеец.

– Подъехать надо, тут недалеко, – сказал он и приказал Артуру запрячь коня в сани.

Артур вопросительно посмотрел на хозяйку. Та кивнула ему. Солдат явно принял Артура за хозяйского сына, а женщина пожалела парнишку и не выдала его.

Пришелец был дюжий детина. Артур покорно пошел за ним на конюшню. Вывел коня к саням, стоявшим на дворе. Хозяйка сама вынесла хомут и набросила коню на шею. Артуру и раньше приходилось запрягать лошадь, а тут никак не мог затянуть супонь. Белогвардеец стоял рядом и смотрел. Потом ему видно надоело, он оттолкнул Артура и сам взялся за супонь. Но как ни затягивал, клешни хомута не сходились. Солдат решил, что ему мешает винтовка, снял ее с плеча, прислонил к стене сарая и опять принялся за дело.

То, что пережил тогда Артур, трудно описать. Такой отличный случай рассчитаться с беляком! Глаза Артура глядели то на солдата, то на винтовку, и опять на солдата. Винтовку! Надо схватить винтовку, тогда ему не страшен никто!

---

¹⁶ ...В мае 1919 года части красных оставили Ригу и ушли в Советскую Россию. Латышские полки сражались на наиболее ответственных участках фронтов гражданской войны, безжалостно подавляли различные восстания против советской власти, охраняли правительство. Из их среды вышло немало известнейших чекистов, начальников пограничных школ и отрядов. Их приход на руководящие посты объяснялся довольно просто. Выходцы из наиболее развитого промышленного района России, они поголовно были грамотны. Оставшись без Родины, они верно служили идее коммунизма, были безжалостны и бескомпромиссны. Их нередко посылали на усмирение крестьянских «контрреволюционных» восстаний. Они с этими задачами справлялись успешно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.